

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

ЧЕЛОВЕК: ОБРАЗ И СУЩНОСТЬ. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1990 года
Выходит 4 раза в год

**№ 3 (43)
2020**

Тема номера: Homo scribens:
Образ и саморефлексия автора
в европейской словесности

Учредитель:

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Центр гуманитарных научно-информационных исследований
ИНИОН РАН

Редакция

Главный редактор: Л.В. Скворцов – д-р филос. наук

Заместители главного редактора: Л.Р. Комалова – д-р филол. наук, Г.В. Хлебников – канд. филос. наук

Редакционная коллегия: В.З. Демьянков – д-р филол. наук (Россия, Москва); Х.В. Дзуцев – д-р социол. наук (Россия, Владикавказ); Ю.А. Кимелев – д-р филос. наук (Россия, Москва); И.В. Кондаков – д-р филос. наук (Россия, Москва); Т.Н. Красавченко – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.Е. Лепский – д-р психолог. наук (Россия, Москва); С.И. Масалова – д-р филос. наук (Россия, Ростов-на-Дону); А.Е. Махов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Л.И. Мозговой – д-р филос. наук (Украина, Славянск); А.В. Нагорная – д-р филол. наук (Россия, Москва); Н.Т. Пахсарьян – д-р филол. наук (Россия, Москва); Р.К. Потапова – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.В. Потапов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук (Россия, Москва); А.М. Гагинский – канд. филос. наук (Россия, Москва); Р.С. Гранин – канд. филос. наук (Россия, Москва); В.Н. Желязкова – д-р филологии (Болгария, София); И.В. Кангро – д-р филологии (Латвия, Рига); М.Ю. Коноваленко – канд. психолог. наук (Россия, Москва); О.В. Кулешова – канд. филол. наук (Россия, Москва); О.А. Матвейчев – канд. филос. наук (Россия, Москва); Е.М. Миронеско-Белова – д-р филологии (Испания, Гранада); П.-Л. Талавера-Ибарра – д-р филологии (США, Остин); Чж. Цзыли – канд. пед. наук (Китай, Шанхай); Е.А. Цурганова – канд. филол. наук (Россия, Москва)

Ответственный редактор номера: Е.В. Лозинская

Ответственный секретарь: С.С. Сергеев

Журнал «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–72547

ISSN 1728-9319

DOI: 10.31249/chel/2020.03.00

© «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», журнал, 2020

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук», 2020

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
for Social Sciences

HUMAN BEING: IMAGE AND ESSENCE. HUMANITARIAN ASPECTS

SCHOLARLY JOURNAL

Published since 1990
4 issues per year

**№ 3 (43)
2020**

Theme of the issue:
Homo scribens:
Author's image and self-reflection
in the European literature

Founder:
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences, Centre of Humanitarian Scientific
and Informational Researches

Editorials

Editor-in-chief: Lev Skvortsov – DSc in Philosophy

Deputy editors-in-chief: Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology;
Georgiy Khlebnikov – PhD in Philosophy

Editorial board: Valery Demyankov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Hassan Dzutsev – Doctor of Science in Sociology (Russia, Vladikavkaz); Yuriy Kimelev – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Igor Kondakov – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Tatiana Krasavchenko – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vladimir Lepsky – Doctor of Science in Psychology (Russia, Moscow); Svetlana Masalova – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Rostov-on-Don); Aleksandr Makhov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Leonid Mozgovoy – Doctor of Science in Philosophy (Ukraine, Slavyansk); Alexandra Nagornaya – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Nataliya Pakhsariyan – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Rodmonga Potapova – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vsevolod Potapov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Emma Jakovleva – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Alexej Guginsky – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Roman Granin – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Veselka Zhelyazkova – PhD in Philology (Bulgaria, Sofia); Ilze Kangro – PhD in Philology (Latvia, Riga); Marina Konovalenko – PhD in Psychology (Russia, Moscow); Olga Kuleshova – PhD in Philology (Russia, Moscow); Oleg Matveichev – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Elena Mironesko-Bielova – PhD in Philology (Spain, Granada); Pablo-Leonardo Talavera Ibarra – PhD in Philosophy (USA, Austin); Zhang Zi-Li – PhD in Pedagogical Science (China, Shanghai); Elena Tsurganova – PhD in Philology (Russia, Moscow).

Issue editor: Eugenia Lozinskaya

Executive secretary: Sergey Sergeev

Journal «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects»
is indexed in the Russian Science Citation Index

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications,
information technology, and mass media, certificat: ПИ № ФС 77–72547

ISSN 1728-9319

DOI: 10.31249/chel/2020.03.00

© «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects», journal, 2020

© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты в поэтиках	9
<i>Махов А.Е.</i> Проблема подражания образцам в поэтологии французского классицизма.....	9
Творческий метод как образ мышления	27
<i>Котелевская В.В.</i> О повествовательном мышлении Томаса Бернхарда: «Вечное возвращение» и полифоническое письмо	27
<i>Раренко М.Б.</i> «Поворот винта»: Генри Джеймс как писатель и как критик	55
Писатель в тексте	68
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> ИмPLICITный автор и имPLICITный читатель в романе рококо	68
<i>Зусман В.Г., Милова А.И.</i> «Человек пишущий» и «человек творящий» в прозе А.П. Чехова 1880–1888 гг.	83
<i>Амирян Т.Н.</i> Даниэль Пеннак: от детективов к автофикциональному роману.....	98

Писатель и его читатели: Парадоксы коммуникации 119

Соколова Е.В. Осцилляция образа: СМИ и В.Г. Зебальд о
Писателе (у) П. Хандке..... 119

Асписова О.С. «Весь этот Гёте»: Культ и антикульт 144

Рецензии 170

Жулькова К.А. Автор и герой: Проблема идентификации.
Рецензия на книгу: Лекманов О., Свердлов М.,
Симановский И. Венедикт Ерофеев: Посторонний 170

CONTENTS

Poets in the poetical treatises.....	9
<i>Makhov A.E.</i> The problem of imitating models in the poetology of French classicism.....	9
Creative method as way of thinking	27
<i>Kotelevskaya V.V.</i> On Thomas Bernhard's narrative thinking: «Eternal return» and a polyphonic writing.....	27
<i>Rarenko M.B.</i> The Turn of the Screw: Henry James as an author and a critic	55
The writer within the text.....	68
<i>Pakhsarian N.T.</i> Implied author and implied reader in rococo novel.....	68
<i>Zusman V., Milova A.</i> «Writing person» vs «creative person» in A.P. Chekhov's prose works of 1880–1888.....	83
<i>Amiryan T.N.</i> Daniel Pennac: From detective to autofiction.....	98
The writer and his readers: Paradoxes of communication.....	119
<i>Sokolova E.V.</i> Oscillation of the image: Images of “Writer” (by) Peter Handke in mass media and in W.G. Sebald's Essays	119
<i>Aspisova O.S.</i> All this Goethe: Cult and anticult	144

Reviews.....	170
---------------------	------------

<i>Zhulkova K.A.</i> Author and the character: The identification problem (Book review: Lekmanov O., Sverdlov M., Simanovsky I. Venedikt Erofeev: The Outsider).....	170
--	-----

Асписова О.С.

«ВЕСЬ ЭТОТ ГЁТЕ»: КУЛЬТ И АНТИКУЛЬТ¹

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, aspisova@gmail.com*

Аннотация. В статье документируется почти религиозное поклонение Гёте, прослеживаются пути бытования как «культа Гёте», так и его «антикульта» в немецкой культуре до первой половины XX в. «Культе Гёте», возникший вскоре после смерти классика, во многом способствовал утверждению европейских стандартов литературоведения как новой науки, с тех пор неизменно обострялся в годы его юбилеев. Сопротивление этому культу заметно в особенности после Первой мировой войны, когда разворачивается настоящий «антикульт», документируемый, например, в серии статей комедиографа К. Штернхайма (1878–1942), где Гёте предстает символом «Kulturphilister», в романе «Степной волк» Г. Гессе, эссе Ортеги-и-Гассета. Пропитанная поклонением классику «стандартная образованность» превратила Гёте в «пустой знак», отсылающий к национально-патриотическому культу «классики». Антикульт Гёте оказался плодотворным для литературы, публицистики и литературоведения.

Ключевые слова: немецкая литература XIX–XX вв.; литературный культ; рецепция Гёте; Карл Штернхайм; антикульт в литературе.

Поступила: 31.05.2020

Принята к печати: 20.06.2020

Aspisova O.S.

All this Goethe: cult and anticult

*Russian State University for the Humanities (Moscow),
Moscow, Russia, aspisova@gmail.com*

Abstract. The article examines the almost religious worship of Goethe as an unattainable universal genius and classical author, analyzing both the «Goethe cult» and

¹ © Асписова О.С., 2020

the «anti-cult» in the German culture before the first half of the 20th century. The Goethe cult, that had started shortly after his death, largely contributed to the development of modern literary studies as a new science in Europe. The anniversary years invariably intensified the cult. Resistance to this cult became especially noticeable after WWI when, for the first time, a real «anti-cult» unfolded. It is documented, for example, in a series of articles by comedian C. Sternheim (1878–1942), where Goethe appears as the symbol for «Kulturphilister», in the «Steppenwolf» by H. Hesse, essays by Ortega y Gasset. The «standard education» turned Goethe into a «blank sign», referring to the national-patriotic cult of the «classics». Both the cult of Goethe and his anti-cult turned out to be very productive not only for literature and journalism, but also for literary criticism.

Keywords: German literature, Goethe's cult and anti-cult of XIX and XX century.

Received: 01.05.2020

Accepted: 20.05.2020

Культом великого писателя или поэта как феноменом литературного процесса гуманитарные науки заинтересовались давно, однако нельзя не согласиться с утверждением С.Н. Зенкина о том, что «литературный культ – понятие дисциплинарно нечистое» [Зенкин, 2011, с. 133]. Общеупотребительное понятие литературного культа, которое имело бы четкую дефиницию, так и не было выработано. Тем не менее «литературный культ» – выражение интуитивно понятное, и оно хорошо работает во многих современных исследованиях. Слово культ, заимствованное из религиозной практики, имеет большой ряд синонимов со смыслом «почитание, поклонение». В разных контекстах этот смысл колеблется от «истового служения» до «моды».

Именно эта квазирелигиозная составляющая идеи культа в литературе, и шире – в культуре, дает особенно богатые возможности интерпретации. Культ, как правило, тесно связан с мифологической сферой. Поэтому со времен по крайней мере Э. Ренана (1823–1892), когда произошел «перенос религиозных схем и категорий мышления на нерелигиозный материал» [Козлов, 2012, с. 54], в культуре создаются мифологизированные образы «великих людей», особенно писателей и поэтов, окруженные почти религиозным поклонением. Немецкая литература не знает более притягательной фигуры, чем Гёте. Обобщая, можно было бы рискнуть утверждать, что другой такой фигуры нет и в немецкой культуре в целом (однако тут возможны варианты – Лютер или король Пруссии Фридрих Великий, Бисмарк в какой-то мере могли бы

считаться такими универсальными национально-немецкими культовыми фигурами).

История рецепции Гёте в Германии хорошо документирована, в первую очередь благодаря работам германиста Карла Роберта Манделькова (1906–2008) [Mandelkow, 1980, 1989]. В ней есть примеры как культового восприятия классика, так и прижизненных его противников, для которых было характерно полное неприятие творчества и личности Гёте. Не ставя задачи подробно описывать зарождение и развитие литературного культа Гёте и сопротивление ему, отметим лишь наиболее интересные детали, не всегда попадающие в поле зрения исследователей.

Известно, что большой вклад в романтический культ Гёте внесли знаменитые женщины эпохи – Рахель Фарнхаген фон Энзе и Беттина фон Арним, Генриэтта Херц. Переписка, воспоминания, дневниковые записи этих выдающихся женщин не только составляют важную часть культуры того времени, они создают особую атмосферу почти религиозного поклонения, которым будет окружен Гёте в дальнейшем.

Среди первых противников Гёте знаменитый просветитель Ф.К. Николаи с его пародийным продолжением «Вертера» (1775), теолог Пусткухен, известный в основном благодаря продолжением гётевского «Вильгельма Мейстера» (1821), писатель и яростный публицист Вольфганг Менцель (1798–1873) с его грубыми нападками («Он всегда плыл по течению и по поверхности, как пробка» [Menzel, 1828, S. 215], Л. Бёрне с младогерманцами и даже Г. Гейне, гордившийся, что никогда не задевал труды Гёте, а метил только в человека. В «Романтической школе» (1842) Гейне воспроизвел метафору культа буквально – у него братья Шлегели, поклоняясь Гёте, «воздвигли ему алтарь, и воскуряли фимиам, и заставляли народ преклонять пред ним колена» [Гейне, 1958, с. 171].

XIX век именно в Гёте видит «Hauptpfeiler des Deutschtums», основной столп немецкости [Reck, 1837, S. 186]. Очень рано, уже в 1830-е годы, появляются апологии Гёте, подобные процитированному «Новому немецкому критическому Парнасу» (1837) К. Река, посвященные разоблачению противников Гёте. Характерно, что с Гёте изначально связываются надежды на национальное единение и величие Германии в будущем («Гёте – как плат сеяльщика, полный семян <...> зерна будущего величайшей и единой Германии»

[Reck, 1837, S. 192]). «Новый немецкий критический Парнас», при всем знании деталей современной ему антигётевской литературы, – сочинение не очень высокого уровня, в нем масса неловких характеристик и конфузных сравнений: Гёте – и Зевс, и Юпитер, он «оскопляет» и «оплодотворяет». Понятно, что тексты такого рода не вызывают большого интереса критики. Однако они очень рано создают огромную массу гётеаны. Гёте, как представляется, на порядки опережает любых немецких деятелей литературы, науки и искусства по числу посвященных ему публикаций.

Консолидация культа – дело не исключительно немецкое. Определенную роль в становлении культа могла сыграть и чрезвычайно влиятельная работа Т. Карлейла «Герои, почитание героев и героическое» (1840). Томас Карлейл, возможно, самый знаменитый германofil в Англии, издавший едва ли не всю современную ему романтическую немецкую литературу на английском, в 1824 г. перевел «Вильгельма Мейстера» и состоял в переписке с Гёте. В «Героях» сказано: «Гёте должен был служить для нас наилучшим образом героя как писателя» [Карлейл, 1908, с. 161]. Однако Карлейл, выбирая Гёте в свои «герои», оставляет окончательное суждение о Гёте будущему, «ввиду нашего вообще недостаточного знания жизни Гёте» [там же], считая именно знание деталей жизни, биографию, для такого суждения необходимым. Невозможность для современников понять Гёте – характерный мотив его культа: в том, что тайна Гёте будет раскрыта лишь в будущем, с Карлейлом едины многие почитатели.

Хотя Ф. Ницше и не любил Карлейла (как можно предположить, за биографию Фридриха Второго и поздние сочинения) и высказывался о нем довольно резко, он соглашался с его мнением о Гёте: «В общем и целом можно утверждать, что влияние Гёте вообще еще не обнаружилось и что время его еще впереди» [Ницше, 1990, с. 83]. Ницше, с его резко неприязненным отношением к немецкой современности, делает некоторые исключения, и Гёте – «последний немец», к которому Ницше готов относиться с уважением. Кроме него, в этом ряду лишь Гегель, Гейне и Шопенгауэр – список у Ницше короткий. Именно Ницше с его чувствительностью ко всякой фальши в культуре и идеей «Bildungsphilister» – образованного филистерства, филистерства от образования, – позволяет понять, как работает механизм перехода от культа к антикульту. В работе «Человеческое, слишком человеческое» (1878), которую

Ницше считал психологической, это показано на примере юности, резко отрицающей то, что занимало ее поначалу, и история отношений самого Ницше с идеями и людьми отмечена как раз таким переверотом знаков с плюса на минус.

Культ Гёте, сложившийся не позднее последней трети XIX в., после объединения Германии отнюдь не исчезает, напротив, к концу того же века приобретает уже утрированные черты. Появляется «Гёте для школы», «Гёте для женщин». Так, Йоханнес Шерр (1817–1886) публикует в 1873 г. в крупнейшем журнале для семейного чтения «Гартенлаубе» серию статей: «Гёте. Его жизнь и сочинения, изображенные в докладах для женщин». Писатель и публицист «патриотическо-демократического настроения» охотно использует «модные слова эпохи» – «ядро нации, духовная весна, здоровая культурная работа, прочный – *kernhaft* – немецкий способ мышления и чувствования» [Wolff, 2009, S. 200–201]. Этот язык будет тесно связан с языком описания культа Гёте и его трудов многие десятилетия.

Библиография гётеведения становится необозримой, пронизанность всей жизни (университетской, научной, школьной, газетной, журнальной и книгоиздательской) упоминаниями о Гёте, привычка цитировать его и использовать как универсальный ориентир в культуре вызывает протест, провоцируя на создание другого образа Гёте, противопоставленного культовому едва ли не во всех отношениях.

Этот закономерно возникающий «антикульт» распространен, разумеется, не столь широко и по масштабу своему не может сравниться с культовым почитанием. Однако и он по-своему характерен и заслуживает исследования. Изучение Гёте в школе много способствовало отторжению его юношами-гимназистами: воспоминания поколения, родившегося в конце XIX в., полны такого рода примерами. (В качестве характерного приведу только один – Альфред Дёблин (1878–1957), один из самых оригинальных и неконвенциональных писателей XX в., вспоминает, что юношеское его чтение находилось в резком противоречии с обязательным школьным: «Когда я был школьником, на меня обрушился Достоевский. Ночами я читал Раскольников, днем зубрили Гёте и Шиллера. Крайнее неприятие строго дисциплинарной и поработашающей школы. В эту атмосферу неприязни был втянут и Гёте» [цит по: Weinbacher, 2011, S. 31]).

Поддержанное такими настроениями, отнюдь не уникальными, имя Гёте приобретает противоположные коннотации. «Антикульт», т.е. отталкивание от прежних смыслов, вкладываемых в образ превозносимого кумира, приписывание ему противоположных свойств, закономерно начинает развиваться в культуре.

Культ Гёте с некоторым трудом пережил Первую мировую войну. Вторая мировая война, пришедшаяся между двумя гётевскими юбилеями 1932 и 1949 гг. (100 лет со дня смерти и 200 – со дня рождения), окончательно сделала невозможным незамутненный культ Гёте. В своем прежнем варианте он, как и многие культурные явления, казался неуместным в новой исторической реальности.

И все же определенную часть культа «классиков» унаследовала и культура ГДР, где гётевский «гуманизм» был провозглашен основой «социалистического культурного наследия», а германистика была вынуждена поддерживать мифологизированные образы самого Гёте и в особенности Фауста [Lehman, 1995, S. 183]. Впрочем, с Гёте обращались в ГДР строго – даже при нюансированном и осторожном подходе Вальтера Дитце, одного из последних руководителей Веймарского национального научно-исследовательского центра по изучению классической литературы в ГДР, а также многолетнего соредактора академической «Истории немецкой литературы», издававшейся в Москве (ИМЛИ). В предисловии В. Дитце к четвертому изданию двенадцатитомного собрания сочинений Гёте в популярнейшей «Библиотеке немецкой классики» (1981) личность Гёте становится «высшим проявлением мировоззренческой и художнической креативности» («насколько это вообще допускают буржуазное классовое содержание его мышления и его времени») [Dietze, 1981, S. vii]. Единого образа Гёте в ФРГ не было в силу разнообразия подходов.

* * *

Самый знаменитый текст «антикульта» второй половины XIX в. – «Гёте и несть ему конца». (В названии с очевидностью сделана отсылка к гётевской статье «Шекспир и несть ему конца»). Текст принадлежит Эмилю Дю Буа Реймону и представляет собой его речь при вступлении в должность ректора Берлинского университета в 1882 г.

Эмиль Дю Буа Реймон (1818–1896), физиолог, врач, филолог – типичный универсальный ученый эпохи позитивизма. Существовала своего рода традиция – при вступлении профессоров на высокую университетскую должность говорить о Гёте. Для профессорской публичной речи как нельзя лучше годится именно «Фауст» – это было известно еще со времен «Романтической школы» Гейне. И если ректор Йенского университета, филолог-младограмматик и основоположник изучения сравнительно-исторического синтаксиса Бертольд Дельбрюк (1842–1922) в 1908 г. просто упомянул, что Шиллер был «нашим профессором, а Гёте – нашим министром» [цит по: Sieg, 2019, S. 233], то Дю Буа Реймон предложил целостный взгляд на Гёте как писателя и естествоиспытателя.

Дю Буа Реймон, в поздние свои годы чрезвычайно расширивший сферу деятельности и выступавший уверенно и influentially по любому поводу, не мог не признать выдающегося положения Гёте в немецкой культуре («Германия – это Гёте»), однако в целом его речь была посвящена развенчанию Гёте. Возражая коллеге и крупнейшему ученому современности Эрнсту Геккелю (1834–1919), считавшему Гёте предшественником Дарвина и сопроводившего свою знаменитую работу «Генеральная морфология» (1866) цитатами из Гёте, Дю Буа Реймон пояснял, как много вреда науке принесло учение Гёте о природе и восприятии цвета.

Однако, «кустав от неувядающего лавра», Дю Буа Реймон не только отрицал значение Гёте как ученого, но и подверг его критике как писателя – «пусть это звучит прозаично, но тем не менее это правда – Фауст лучше бы сделал, если вместо того чтобы отправиться ко двору к императору и выдавать необеспеченные деньги, <...> женился бы на Гретхен, признал ребенка», занялся полезным изобретательством «электризирующей машины и воздушного насоса» и прочее. Гёте же, по мнению Дю Буа Реймона, был не слишком изобретателен в закручивании сюжета, а главное, полностью глух к основной идее современности – «механической каузальности» [Du Bois-Reymond, 1883, S. 10; 16; 25].

Эрнст Геккель, негативно упомянутый в этой речи, относится к гётеанцам. Его биограф, знаменитый писатель и популяризатор науки эпохи позитивизма, Вильгельм Бёльше (1861–1939), автор работы «Гёте в двадцатом веке» (1904), скажет о Геккеле следующее: «Для значительного человека XIX века нет, кажется, ничего особенного в том, что он находится под влиянием Гёте. Это не-

что вроде природной необходимости, <...> все великое в этом веке должно некоторым образом возвращаться к Гёте» [Bölsche, 2012, S. 21].

И Г. Гельмгольц, предшественник Э. Дю Буа Реймона на посту ректора того же университета и великий ученый, разделял безусловное преклонение перед Гёте. Он автор большой речи о значении естественнонаучных трудов Гёте, опубликованной еще в 1853 г., которая была неоднократно переиздана. Гельмгольц видел величие Гёте прежде всего как поэта и художника слова, прославлял его применение единого художественного принципа ко всем отраслям современного ему знания, подчеркивая заслуги Гёте в отдельных науках и предвосхищение направления их развития. Однако с «Учением о цвете» он как физик согласиться не мог и давал деликатное и проницательное объяснение: «Гёте, несмотря на то что он попробовал себя во многих сферах духовной деятельности, все же по самому выдающему дарованию поэт» [Helmholtz, 1896, S. 23–48].

Столкновение Дю Буа Реймона, с одной стороны, Геккеля и Гельмгольца – с другой, можно прочитать и как столкновение культа и антикульта Гёте во второй половине XIX в. В печатном варианте речи Дю Буа Реймона предпослан эпиграф из Гёте: «Und will in Kunst und Wissenschaft wie immer protestieren», из стихотворения «31 октября 1817». В переводе А. Голембы этот отрывок звучит как:

Не для того ли наградил
Меня господь талантом,
Чтоб в песнях и в науке был
Я вечным протестантом?

Эпиграф к речи объясняет ее намерение как нельзя лучше, Гёте побивается самим Гёте, его опасная известность и поклонение перед ним требуют протеста – и это-де в духе самого Гёте. Деланая наивность эстетического анализа, переводящего литературу в практическую плоскость, усугубляется высокомерием немецкого профессора, объявленного Дю Буа Реймоном главным персонажем современной культуры. Но стилистическая отточенность, характерная для эпохи, пристрастная личностная интонация и протест против «неувядаемых лавров» и «византизма» [Du Bois-Reymond, 1883, S. 26] делают текст интересным как раз в силу его

пристрастности. И хотя в нем представлен далеко не самый распространенный тип критики Гёте, это, возможно, самый известный ее вариант, поэтому гётеведение вновь и вновь обращается к нему [Dotzler, 2000, S. 89–96].

Описанный спор относится к 1882 г. Через год речь Дю Буа Реймона будет издана, и станет очевидно, что и через пятьдесят лет после смерти Гёте, несмотря на усилия «Goethe-Philologie», канонизировавшей его как национального «классика», о нем все еще возможно высказывать негативные и иронические суждения. В каком-то смысле Гёте для немцев пока что не «наше все».

Долгая история становления Гете как единственного центра немецкой духовности отнюдь не прямолинейна, ее антиномии особенно обостряются в юбилейные годы, когда немцы празднуют годовщины рождения и смерти писателя, а на рынок выбрасывается необозримая книжная масса гётеаны. Соединенными усилиями нации, которая еще только стремится к единению и ей настоятельно требуются национальные ориентиры и образцы в культуре, Гёте возносится на такую божественную высоту, что разглядеть его на сияющей вершине все труднее. Как главный немецкий автор он становится точкой отсчета, с ним сравниваются и на него ориентируются как сходные, так и противоположные явления. Постепенно процесс «конструирования» национального классика превращает его в мифологизированную фигуру, к которой нация относится с религиозным почтением. Так называемая Goethe-Philologie как мелко-начетническая дисциплина с углублением в детали и подробности жизни и творчества Гёте в значительной мере определила методы и идеалы литературоведения – новой науки внутри германистики. В.М. Жирмунский еще в 1936 г. прямо ставил знак равенства между «всей немецкой филологической критикой» и «Goethe-Philologie» [Жирмунский, 1981, с. 31].

Главным в коллективном восприятии Гёте является «величие», «божественность», значимость, известность, универсальность – весь комплекс характеристик, позволяющих даже представителям естественных наук опираться на гётевские цитаты. Образованность определенно включала знание его произведений, цитирование их и рассуждение о его значении для науки и литературы. Тем более в немецких «науках о духе» Гёте образует абсолютный центр притяжения. Нет, пожалуй, ни одного крупного мыслителя последней трети XIX – начала XX в., не писавшего о Гёте.

Так, например, Георг Зиммель (1858–1918), философ культуры и социолог, с 1906 по 1916 г. почти ежегодно издает по работе о Гёте («Кант и Гёте», 1899, 1906, «Гёте» 1907, «О нравственном мировоззрении Гёте и Канта», 1908 «Справедливость Гёте», 1913, «Гёте и молодежь», 1914, «Замечания о Канте и Гёте. К истории современного мировоззрения», 1916). Обращает на себя внимание формулировка Г. Зиммеля, которой он предваряет книгу о Гёте 1907 г.: «Истолкование Гёте <...> всегда будет <...> исповедью истолкователя» [Зиммель, 1928, с. 10].

Исключительное внимание к Гёте как личности является составной частью культа изначально. Формы, которые принимает поклонение Гёте со временем, становятся, с одной стороны, все более институционализированными и национальными, с другой – очень личными.

М. Нутц, специализирующийся в наши дни на дидактике литературоведения, говоря о постепенном конструировании Гёте как национального классика, напоминает о словах Карла Крауса: «Изобретение немецкого классика есть посмертное оскорбление Гёте. Обладай празднующее юбилеи отребье сотой долей лицемерно изображаемого уважения к Гёте и миллионной долей деланного понимания Гёте, они бы не поставили рядом с ним в беспримерной наглости неучей целые шеренги коллег» [Kraus, 1906, S. 13]. Это 1906 год, Краус решительно возражает против культа «классики», «пустого изобретения реальных, к сожалению, немецких филистеров» [ibid.].

Краус перед Первой мировой войной очень влиятелен, его жадно читают молодые, и видят в нем борца против разлитых чернил, как скажет Теодор Таггер в 1918 [цит по: Häutung..., 2006, S. 320], и само яростное краусовское негодование против «филистерства неучей» работает на культ Гёте – рядом с ним невозможно поставить никого: никаких других классиков, по Краусу, быть не должно. Гёте постепенно сходит с пьедестала двойного памятника Эрнста Ритчеля перед веймарским театром, отпускает руку Шиллера и возносится на невероятную, недостижимую высоту. Начало века работает над полировкой его образа. Точка отсчета, мерило всего немецкого, с одной стороны, и фигура для идентификации, абсолютный образец для подражания помещаются в фигуру Гёте, что усугубляет крайности культа. Юные и не очень писатели страстно идентифицируют себя с Гёте. Быть писателем уже озна-

чает стать похожим на него в жизни, поселиться в Веймаре, например.

Примеры многочисленны, назову лишь несколько. Карл Штернхайм и Георг Кайзер, оба стали богаты или состоятельны через жен, и оба стремятся прикоснуться к городу Гёте, чтобы доказать свое право на писательство. Оба быстро уедут, но это характерный для культа Гёте эпизод. Важен Веймар и для построения нового культа, а именно культа Ницше. Элизабет Фёрстер, сестра Ницше, управлявшая его наследием в духе своих националистических представлений, в 1896 г. увезет в Веймар больного брата, сознательно выбрав город классики и Гёте [Sieg, 2019, S. 180].

В свое время Бернхард Фёрстер, будущий муж Элизабет Ницше, объяснился с ней с помощью сонета Гёте [ibid., S. 110].

Кульм Ницше будет выстроен в Германии по образцу гётевского культа. Его создание хорошо документирует, например, глубокое исследование Ульриха Зига «Власть воли», посвященное деятельности Элизабет Фёрстер-Ницше. Многочисленные сравнения Ницше с Гёте в работах о философе, заказанных и поддержанных Э. Фёрстер и архивом ее брата в Веймаре, встречаются в книгах знаменитых авторов эпохи вплоть до 1920–1930-х годов. В числе этих авторов Р. Штейнер, О. Шпенглер, В. Зомбарт, С. Цвейг... [ibid., S. 182, 297, 308]. Характерно, что все они – создатели отдельных трудов о Гёте. Несмотря на различия в нюансах, всем им присуще именно культовое почитание Гёте, хотя в силу глубокой личной заинтересованности в Гёте, знания деталей и интеллектуальной честности никому из них не чужд и трезвый, порой критический подход к кумиру эпохи.

Первым лозунги антикульта сформулирует Карл Штернхайм (1878–1942) уже во время Первой мировой войны. Гениальный и сумасшедший комедиограф Карл Штернхайм начнет поход против «всего этого Гёте» с книги Гундольфа «Гёте» (1916). Фридрих Гундольф (1880–1931) был знаменит не только тем, что принадлежал к ближайшему кругу Стефана Георге. Мировая война в разгаре, а книга Гундольфа ежегодно переиздается, и к 1920 г. она выдержит девять переизданий. Это важно, потому что Гундольф – самый популярный германист эпохи (но книгу о Гёте Штернхайм рецензировать не станет – ему бросится в глаза только объем в 795 страниц: «За семь дней на мой стол упали семь книг о Гёте общим числом три тысячи страниц»). И затем искусно вывернутым

экспрессионистским языком Штернхайм предъявляет Гёте свою первую претензию: тот «оставляет в полной неясности своих потомков относительно духа войны, которую должен был бы знать по своим многим боевым походам. <...> Этот Гёте, с семью книгами про него в неделю, имел в своей совести зияющий провал, поскольку избегал <...> всех чувств, которые теперь потрясают даже самых простых людей, когда под грохот артиллерийского обстрела дрожат окна их сердец», а дальше Штернхайм перечисляет упреки – что стоял в жизни «одной ногой», уклонился от Богом данной обязанности сочувствовать человеку на войне и так разгадать его загадку, так сочувственно, в ужасном сострадании, передать в своем творчестве, чтобы другим, более слабым писателям уже не нужно было этого делать; в конце упоминается не уклонившийся Толстой, предчувствовавший войну и поэтому сбежавший на старости лет из благополучного дома [Sternheim, 1965, S. 23–24].

Томас Манн чуть позже повторит это сравнение («Гёте и Толстой», 1921), но в пользу Гёте – потому что Манн безусловный гётеанец. Штернхайм в 1917 г. не выносит ни Манна, ни Гёте, кумира своей юности.

Статья опубликована в пристрастной военной атмосфере 1917 г. в журнале «Марсий», издававшемся Теодором Таггером. Таггер – настоящее имя драматурга Фердинанда Брукнера, пьесы которого можно условно отнести к «черному» экспрессионизму. В предварении от издателя Таггер, еще не ставший драматургом Фердинандом Брукнером, пишет эссе, из которого ясно, что нападки на Гёте – это программа. Штернхайм и Таггер планируют опубликовать в «Марсии» «Энциклопедию по сносу буржуазной идеологии». Уже привлечены Готфрид Бенн, Карл Эйнштейн, сам Штернхайм и Таггер, но выйдет только первая страница. Антигётевская линия полностью укладывается в программу разоблачения идеологий.

Антигётеанство с 1917 г. присутствует практически во всей эссеистике Штернхайма 1920-х годов, Гёте становится символом немецкого бездуховного и практичного мещанства. «Всеобщее бездонное презрение к духовному» [Sternheim, 1920, S. 5] – вот причина современного убогого состояния немцев после войны: «Были твердые курсы на Шиллера и Вагнера, по дешевке распродавали Моцарта и Гёте <...> Вместе с мебелировкой квартиры на совершеннолетие покупалась книжная полка с энциклопедией, в

которой черным по белому полностью содержалась немецкая ментальность» [Sternheim, 1919].

Штернхайм продолжает атаку статей «Немецкая революция» (1919) в библиотеке «Красный петух», выпускаемой Францем Пфемфертем, издателем экспрессионистского журнала «Die Aktion», в памфлетах «Берлин, или Juste Milieu» (1920), «Тассо или искусство Juste Milieu» (1921). В преуведомлении Пфемферт называет автора «соратником» (они пока еще друзья и их взгляды в целом сходятся).

Квазимарксистская лексика вводит в заблуждение, и эстетическая революция Штернхайма на этом этапе воспринимается как политическая. Георг Лукач, в 1918 г. ставший партийным марксистом, в 1922 г. откликнется на «Тассо» Штернхайма своей статьей в берлинском «Красном знамени». Статья Лукача называлась «Натан и Тассо». Лукач хвалит Штернхайма за критику гетевского «Тассо»: «Тем не менее снова нужно повторить: и у Штернхайма тоже проявляется правильный классовый инстинкт, который восстает против Тассо Гёте» [Lukacs, 1922]. (Интересно, что, описывая антикульт Гёте, Лукач подмечает его основные черты, следуя критикуемой им статье Штернхайма). Лукач отметит постоянность антикульта, «Rebellion» против влияния Гёте, он отчетливо видит, против чего на самом деле направлен протест: «Эти восстания очень редко затрагивают поэтическое значение Гёте; да и направлены они не против этого значения». Жизнь и творчество Гёте — «Lebenswerk» — означают «ложную тенденцию, которая, при следовании иными из его дорог не может не привести к тоскливому филистерству, к опустошающему мещанству, Spießbürgerlichkeit». Восстания против Гёте хороши как «проявление здорового классового инстинкта буржуазной интеллигенции», как попытка бороться против «постоянно возрастающего сужения духовного горизонта», но бесполезны, потому что не в состоянии взглянуть в суть проблемы — «связь немецкой классики с развитием буржуазного класса в Германии» [ibid.].

Перестав сотрудничать в левых журналах, Штернхайм продолжил полемику. Главная тема Штернхайма — «Героическая жизнь бюргера» с циклом блестящих комедий (в том числе «Панталоны», «Шкатулка», «Сноб», «Бюргер Шиппель», «1913», ставившиеся у М. Рейнхардта с 1911 по начало 1920-х годов) и новелл иллюстрируется теперь, в эпоху постепенной утраты драматургом ведущего

положения на сцене, с помощью резко клишированных и парадоксальных текстов, где под обстрел попадает вся классическая немецкая культура. Исключения становятся все реже, пока список достойных не сокращается до Гейне и Гёльдерлина. Постепенно на классическую немецкую культуру возлагается вина за современное состояние Германии.

Однако начиналось все иначе. («Я чувствую себя часто таким чистым, глубоко искренним ребенком благодаря любимому мастеру Гёте», – читаем мы в одном из писем в 1909 г. [Sternheim, 1966, S. 510]). И Гёте, по словам английского исследователя Р. Уильямса, тонкого знатока Штернхайма, – выступает тут как «самый чувствительный барометр перемены вкуса Штернхайма» [Williams, 1980, p. 124].

Случай Штернхайма интересен тем, что он сам пережил невероятно сильно и глубоко любовь к творчеству Гёте, и в немалой степени способствовал культу Гёте у Теи Штернхайм (1883–1971), урожденной Бауэр, бывшей его женой с 1907 по 1927 г.

Культ этот зафиксирован в ее интереснейшем дневнике с 1905 г. [Sternheim, 2002]. Тея – мемуарист очень высокого класса, вела свой гигантский дневник десятилетиями, там отразилась вся европейская духовная культура, она знала лично всех достойных авторов и художников, владела самыми лучшими картинами эпохи. Юной девицей, брюссельской пансионеркой она переписывалась с Роденом, и потом всю жизнь жила искусством. Без чтения книги и записи в дневнике не проходило ни дня. Ежегодно обновлялся список любимых авторов, в числе которых всегда был Гёте. Он буквально причислен к лику святых, и равны ему в синодике Теи только Флобер и Стендаль. Тея молится Гёте, спрашивая совета в разных жизненных ситуациях.

Я не хочу сделать смешным этот удивительно глубокий и личный культ, вдумчивое и трепетное прочтение Гёте, но тут перейдена граница разумного. В 1908 г. на деньги Теи Карл Штернхайм построил дом-замок Бельмезон в стиле Людовика XV. Шкафы для огромной библиотеки первых изданий немецкой классики, купленных в автомобильных путешествиях по Европе, будут скопированы у Гёте, – как в его франкфуртском доме. Литературные паломничества четы Штернхайм ведут их не только во Францию, к Флоберу и Стендалю, но и во Франкфурт и Веймар. (В рецепции Гёте после Второй мировой войны Франкфуртский дом станет ве-

хой, и восстановление его вызовет большие споры). Тея Штернхайм сохранит почитание Гёте на всю долгую жизнь и людей в собственной жизни будет мерить по гётевским цитатам, о чем говорят сотни упоминаний о Гёте и любимые цитаты из него в ее дневниках. Но это относительно поздний пример культа, начало XX в.

Конечно, Карл Штернхайм в его антикульте Гёте – образец критики вовсе не конструктивной, что на фоне набирающего к юбилею силу культа Гёте имеет, как минимум, психологическое объяснение.

Характерный и постоянный мотив культа Гёте – самоидентификация с ним, принимающая в культуре гротескные размеры. Лишь один показательный пример: Герхард Гауптман (1862–1946), о приверженности которого к Гёте ходили анекдоты, запишет в дневнике в 1899 г.: «Кто понимает Гёте, понимает меня». С годами поклонение Гёте у Гауптмана лишь усилилось, известно даже, что в старости он стал внешне очень походить на пожилого Гёте.

Постоянная тема дневников Гауптмана – «принять» наследие Гёте, сделать себя достойным занять его место в культуре. К Гёте он обращается на «ты» и уверен в их внутреннем сходстве и гениальности. Автор биографии Г. Гауптмана П. Шпренгель приводит многочисленные примеры этой комичной самоидентификации с Гёте [Sprengel, 2012]. Слава Г. Гауптмана затмевает славу всех современных ему писателей, и по меньшей мере с момен-

та присуждения ему Нобелевской премии в 1912 г. он становится культовым писателем не только в Германии, но и наиболее знаменитым немецким автором в мире. И снова культ писателя, подкрепленный в случае Гауптмана внутренним убеждением, высочайшей самооценкой и внешней схожестью, строится по образцу гётевского культа.

Вальтер Беньямин, рецензируя книги к юбилейному 1932 г., скажет о книге Эмиля Людвига «Гёте. История человека» (Goethe, Geschichte eines Menschen. Von Emil Ludwig. Volksausgabe in einem Band., 1924)¹: «Труд этот удовлетворяет <...> потребностям самой широкой публики. Он позволяет читателю если не найти себя в Гёте, то по крайней мере обнаружить в себе маленького Гёте». Эта

¹ Первое издание книги Э. Людвига «Гёте. История человека» вышло в 1920 г.

ироничная фраза как нельзя лучше поясняет психологические мотивы идентификации себя с великим Гёте, а также необычайное распространение культа Гёте не только в широких кругах полубразованной или поверхностно образованной публики. Обнаружить в себе сходство с гением лестно и притягательно, отсюда популярность текстов, подобных биографии пера Эмиля Людвиг (1881–1948). Специальностью Людвиг были популярные биографии, «историческая беллетристика», Людвиг не пропустил ни одной крупной фигуры – писал о Наполеоне, Бисмарке, Вильгельме II; сделал интервью с модным пока еще Муссолини, которым увлекалась Европа, и, конечно, в списке не мог отсутствовать Гёте. Людвиг как автор гордился тем, что «приблизил Гёте к массам немецкой нации больше, чем какой-либо другой автор» [Van Hoek, 1939, p. 143]. Огромные по тем временам тиражи в сто пятьдесят тысяч экземпляров и переводы на многие языки упрочили как славу самого Э. Людвиг, так и культ Гёте в Веймарской республике.

Не только распространение мифологизированного, упрощенного образа «Гёте для всех» способствовало развитию антикульта. Карл Штернхайм, основной пафос которого направлен на разоблачение «бюргера» и «бюргерства», идет в ногу с разноразправленными авангардными течениями немецкой мысли, в союзниках у него оказываются и дадаисты, и Хайдеггер, делавшие Гёте точкой отталкивания, а не притяжения [Jäger, 2000, S. 117].

Дальнейшее развитие антикульта происходит не в публицистике, а в первую очередь через литературу. Наверное, самый известный пример – роман Г. Гессе «Степной волк» (1927), где мир ложной культуры, мещанской образованности, нежизненных ценностей, характерный для официальной, традиционной культуры с ее клише, предстает в образе кладбища:

«Кладбищем был мир нашей культуры, Иисус Христос и Сократ, Моцарт и Гайдн, Данте и Гёте были здесь лишь потускневшими именами на ржавеющих жестяных досках, а кругом стояли смущенные и изолгавшиеся поминальщики, которые много бы дали за то, чтобы снова поверить в эти когда-то священные для них жестяные скрижали». Образ культуры как кладбища вызывает у протагониста портрет Гёте, принадлежащий хозяйке дома: «Это была гравюра, и изображала она писателя Гёте, своенравного, гениально причесанного старика с красиво вылепленным лицом, где, как положено, были и знаменитый огненный глаз, и налет слегка

сглаженных вельможностью одиночества и трагизма, на которые художник затратил особенно много усилий. Ему удалось придать этому демоническому старцу, без ущерба для его глубины, какое-то не то профессорское, не то актерское выражение сдержанности и добропорядочности и сделать из него в общем-то действительно красивого старого господина, способного украсить любой мещанский дом» [Гессе, 1994, с. 264]. Протагонист, обнаружив своего «Бессмертного» в таком виде, мгновенно переоценивает отношение к хозяевам дома, так понимающим Гёте: «Тщеславное и самодовольное изображение старого Гёте сразу же резануло меня отвратительным диссонансом <...> и показало мне, что я попал не туда. Здесь были на месте красиво стилизованные основоположники и национальные знаменитости» [там же]. Из дальнейшего ясно, что у Галлера есть, безусловно, другое представление о Гёте, отличное от Гёте с популярной открытки 20-х годов: «Будем надеяться <...> что у Гёте в действительности был не такой вид! Это тщеславие, эта благородная поза, это достоинство, кокетничающее с уважаемыми зрителями, этот мир прелестнейшей сентиментальности под покровом мужественности! Можно, разумеется, очень его недолюбливать, я тоже часто очень недолюбливаю этого старого зазнайку, но изображать его так – нет, это уж чересчур» [там же, с. 266].

Очевидно, что и у Карла Штернхайма, и у Германа Гессе Гёте выступает как знак, как отсылка к определенному пласту мировоззрения, и «пошлая, лживая, приторная картинка» замещает не столько самого Гёте, сколько характеризует круг тех, кто так ему поклоняется. Мотив самоидентификации отличает гессевское понимание культа Гёте в романе от памфлетов Штернхайма – Гарри Галлер, протагонист «Степного волка», распознает в себе самом «по-мещански идеализированного Гёте».

Не исключено, что в глубине души сторонники антикульта носят свой личный культ Гёте и борются прежде всего с его мещанской выхолощенностью, «гениальной прической» и хрестоматийным глянцем.

Обывательский культ немецкой классики, блестяще высмеянный не только в памфлетах, но и комедиях Карла Штернхайма (в первую очередь в цикле «Из героической жизни бюргера»), порождает ответ, и ответ этот – несимметричный.

Еще один вариант ответа на гётевскую известность, самый ранний по времени, и отчасти ответ на его культ – это пародии. Они не очень интересны в художественном отношении, но очень характерны. Пародии на классиков и в особенности на Гёте исследованы, в частности, в основательной работе В. Венде [Wende, 1999]. Лишь небольшая часть из них критически направлена против культа. Венде высказывает очевидную и убедительную мысль о закономерности возникновения «сопротивления» чрезмерному прославлению классика: «Если некий автор и его творчество в ходе процесса рецепции *прославляются* сверх меры, стоит ожидать, что когда-нибудь заявит о себе и сопротивление против этого “превознесения” – против всевластия канонизированной традиции в культуре» [Klassik und Anti-klassik, 2000, S. 22]. Эта мысль хотя и лишена теоретической строгости, все же справедлива и вполне применима к закономерности возникновения антикульта.

Определить момент, когда разрозненные высказывания и негативные отзывы складываются в целостный антикульт Гёте, не представляется возможным. Однако он весьма активизируется в конце Первой мировой войны, причем именно статьи К. Штернхайма с их резкими преувеличениями делают антигётевскую тенденцию явной. Критическая масса высказываний возрастает со временем, никак не влияя на противоположную тенденцию «глорификации» (В. Венде) Гёте. Чрезвычайно индивидуальное, часто амбивалентное отношение к Гёте в каком-то смысле составляет самый нерв отношения немецких интеллектуалов как к литературной традиции, так и к немецкой культуре в целом. Здесь много нюансов и вариантов, в юбилейный 1932 г. они сталкиваются друг с другом в необозримом потоке публикаций.

Сатирическое стихотворение Курта Тухольски о юбилейном 1932 г. прекрасно иллюстрирует чрезмерность и несостоятельность официального культа Гёте: «Böte, Kröte, Nöte, Röte, Flöte. <...> wochenlang reimt alles sich auf Goethe» («Посыльные, жабы, краснота, флейта <...> Неделями все рифмуется с Гёте»). Затем повторяется штернхаймовский тезис: «Классики нужны только для книжной полки». Завершается стихотворение возгласом – «Быстрей бы все это кончилось» [Цит. по: Wende, 1999, S. 213].

Усталость культуры от культа хрестоматийного образа Гёте в 1930-е годы находит выражение в многочисленных текстах. «Наше расположение духа совершенно несовместимо с культом», –

скажет в 1932 г. Х. Ортега-и-Гассет (1883–1955) в эссе «В поисках Гёте. Письмо к немецкому другу», опубликованном в «Ди Нойе Рундшау» в немецком переводе [Ортега-и-Гассет, 1991]. Текст представляет собой выдающийся образец «антикульты». Он устраивает программу будущего исследования Гёте в рамках философии Ортеги-и-Гассета, отвергая традиционного культового Гёте, потому что «настала пора привлечь классиков к суду» [там же].

Не буду затрагивать неудачных попыток национал-социализма присвоить Гёте, это отдельная линия, и она достаточно хорошо изучена. [Wilson, 2018]. Традиция «разоблачения» Гёте, набравшая силу после Первой мировой войны, оказалась достаточно влиятельной и в дальнейшем. Она ощутима и в литературоведческом дискурсе.

Так, у Эрика Ауэрбаха (1892–1957), в его главной и весьма влиятельной работе «Мимесис» (1946), написанной еще во время войны, немало претензий к Гёте.

Ауэрбах с 1936 г. работал в Стамбуле, в стороне от немецких и мировых культурных центров, и «Мимесис» был написан без использования современных Ауэрбаху работ, почти без точных ссылок, научного аппарата. Основной предмет исследователя – романистика, но Гёте у Ауэрбаха под рукой, он цитирует его, многократно возвращаясь к его текстам и взглядам на литературу. Основной посыл – Гёте мыслил лишь в круге представлений своего времени, но «глубокомысленное разумение проблемы вновь сочетается у Гёте с ограниченностью критического кругозора» [Ауэрбах, 1976, с. 334]. Гётевский идеализм, абстрактная концепция воспитания, политический консерватизм и аристократизм не дали немцам использовать огромный шанс – усвоить его великое на них влияние и стать людьми более современными. Ауэрбах ищет в литературе «изображение действительности». Однако между строк читается, что он чаще косвенно, а порой и прямо, винит Гёте с его объективно отсталыми человеческо-идеологическими установками в современном состоянии немецкой культуры: «Глядя на все, что произошло с тех пор, трудно не попытаться вообразить себе, какое воздействие на немецкую литературу и немецкое общество оказал бы Гёте, если бы он <...> испытывал большую склонность и большее желание воспроизводить <...> современную структуру жизни» [Ауэрбах, 1976, с. 449]. Следует учесть, что написано это в самый разгар национал-социализма. Позже, в статье

«Филология мировой литературы» (1952) Ауэрбах выступит за пересмотр гётевской идеи *Weltliteratur*, видя в современном состоянии мира одновременно ее исполнение и разрушение [Auerbach, 2017, S. 105–121]. Собственно, взгляд Ауэрбаха на Гёте – вне культа или антикульта, он историчен и филологически выверен, однако в перечисленных «претензиях» к Гёте ощущается реликт того завышенно строгого, отнюдь не исторического и очень личного отношения, которое было характерно для антикульта.

Опуская логические звенья, замечу, что в последней трети XX в. антикульт Гёте в значительной степени будет подхвачен американским литературоведением. Х.В. Келлинг, американский ученый немецкого происхождения, учившийся в Германии и в юности обосновавшийся в США, в 1966 г. впервые опубликует свою работу о «поклонении» – *idolatry* – [Kelling, 1966] поэтическому гению Гёте в немецкой критике. Она будет переиздана в Европе [Kelling, 1970]. Старые претензии к Гёте, человеку и министру, – его недемократизм, торговля солдатами, казнь детоубийцы и проч. – вновь всплывают в современных работах исследователя Д. Уилсона [Wilson, 1999; Goethes Weimar..., 2004].

Автор новой (2018) истории немецкой литературы, воспринимаемой как литература умирающей Священной римской империи, Тодд Контье, также пересматривает влияние Гёте [Kontje, 2018], в особенности его рецепцию в Германии и Австрии. Последние работы Д. Уилсона, основанные на новых материалах из немецких архивов и широко известные теперь в Германии, также следуют пафосу демонстрации «другого» Гёте, резко противопоставленного привычному культовому образу немецкой традиции [Wilson, 2018]. Все эти ревизии происходят, вероятнее всего, с учетом провоцирующего воздействия антикульта Гёте, интерес к которому определенно заметен сейчас в американской германистике и гуманитарных науках и весьма плодотворен.

Антикульт как оборотная сторона культа Гёте возник в ответ на создание мещанского, вульгаризованного образа «бессмертного классика». Образ этот на протяжении почти двух веков использовался для подкрепления самых разных идеологических конструкций. Нашупывая слабые места в легенде о Гёте, антикульт способствовал не просто переосмыслению и очищению образа Гёте от идеологических злоупотреблений, но и его реалистичности, адекватности времени. Идея самоидентификации с Гёте, почерпнутая

из культа, сохранилась в своеобразном варианте и внутри антикульта, несмотря на его резко преувеличенные нападки на прежнего кумира. Большинству «нападающих» свойственно, как минимум, амбивалентное отношение к Гёте, практически все они пережили сильное им увлечение и протестовали в основном против культа, нежели против самого Гёте. Свойственные антикульту заострения и преувеличения негативной стороны Гёте-человека и писателя, исследователя и общественного деятеля оказались полезными для саморефлексии немецкой культуры.

Список литературы

- Ауэрбах Э.* Мимесис. – Москва : Прогресс, 1976. – 558 с.
- Гейне Г.* Романтическая школа // Гейне Г. Собрание сочинений в десяти томах. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т. 6. – С. 143–280.
- Гессе Г.* Степной волк / пер. с нем. С. Апта // Гессе Г. Собр. соч. : в 4 т. – Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1994. – Т. 2. – С. 190–398.
- Жирмунский В.М.* К вопросу о классовом самоопределении Гёте. Автобиография Гёте в историческом освещении // Жирмунский В.М. Из истории западноевропейских литератур. – Ленинград : Наука, 1981. – С. 30–61.
- Зенкин С.Н.* От текста к культу // Культ как феномен литературного процесса : автор, текст, читатель / отв. ред. Надъярных М.Ф., Уракова А.П. – Москва : ИМЛИ РАН, 2011. – С. 133–140.
- Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории / пер. В. Яковенко. – URL: http://az.lib.ru/k/karlejl_x/text_0020.shtml (дата обращения: 7.05.2020). – (Воспр. по изд.: Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. – 3-е изд. – Санкт-Петербург, 1908.).
- Козлов С.Л.* Эрнест Ренан. Филология как идеология. – Москва : Издательство РГГУ, 2012. – 103 с.
- Зиммель Г.* Гёте / пер. А.Г. Габричевского. – Москва : Государственная академия художественных наук, 1928. – 268 с.
- Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / пер. С.Л. Франка. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/nietz/nietz06r.htm> (дата обращения: 4.04.2020). – (Воспр. по изд.: Ницше Ф. Соч. : в 2 т. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 1.).
- Ортега-и-Гассет Х.* В поисках Гёте. Письмо к немецкому другу / пер. А.Б. Матвеева. – 1991. – URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega17.txt> (дата обращения: 10.04.2020).
- Auerbach E.* Die Narbe des Odysseus. Horizonte der Weltliteratur / Hrsg. von Bornmuth M. – Berlin: Berenberg, 2017. – 177 S.
- Bölsche W.* Ernst Haeckel. – [S.l.] : Books on demand, 2012. – 232 S. – (1. Aufl. – 1900).

- Dietze W.* Einleitung // Goethes Werke in zwölf Bänden / Hrsg. von den nationalen Forschungs- und Gedenkstätten der klassischen deutschen Literatur in Weimar. – Berlin; Weimar: Aufbau, 1981. – Bd. 1. – S. I–CI.
- Dotzler B.* Goethe und sein Ende: Das Medium «Welt-Literatur» // Klassik und Anti-Klassik: Goethe und seine Epoche / Hrsg. von Gutjahr O., Segeberg, H. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. – S. 89–107.
- Du Bois-Reymond E.* Goethe und kein Ende. Rede bei Antritt des Rektorats der Universität zu Berlin am 15. Okt. 1882. – Leipzig: Veit, 1883. – 27 S.
- Goethes Weimar und die Französische Revolution. Dokumente der Krisenjahre / Hrsg. von Wilson W.D. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2004. – 741 S.
- Gundolf F.* Rede zum Goethes hundertsten Todestag, (1931–32). – URL: <https://www.uni-giessen.de/fbz/fb05/germanistik/absprache/sprachverwendung/gloning/tx/gundgoet.htm> (дата обращения: 4.04.2020). – (Воспр. по изд.: Gundolf F. Rede zu Goethes hundertstem Todestag. – Berlin: Bondi, 1932. – 29 S.).
- Häutung. Lesarten des Marsyas-Mythos / Hrsg. von Renner U., Schneider M. – München: Fink, 2006. – 464 S.
- Helmholtz H.* Über Goethes naturwissenschaftliche Arbeiten // Helmholtz H. Vorträge und Reden. – 4. Auflage. Erster Band. – Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn. 1896. – S. 23–48.
- Jäger M.* Goethe im Widerstreit des liberalen und radikalen Denkens in der Weimarer Republik // Goethe Jahrbuch. – Berlin; Heidelberg: Springer, 2000. – Bd. 116/1999. – S. 112–128.
- Engelhard D. von.* Goethes Farbenlehre und Morphologie in den Naturwissenschaften des 19. Jahrhunderts // Goethe-Jahrbuch. – Berlin; Heidelberg: Springer, 2000. – Bd. 116 / 1999. – S. 224–233.
- Kelling H.W.* The idolatry of poetic genius in German Goethe-criticism. – Stanford: Stanford univ., 1966. – 588 p.
- Kelling H.W.* The idolatry of poetic genius in German Goethe-criticism. – Bern: P. Lang, 1970. – 199 p.
- Klassik und Anti-Klassik: Goethe und seine Epoche / Hrsg. von Gutjahr O., Segeberg H. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. – 310 S.
- Kraus K.* Die Klassiker // Die Fackel. – Wien: Verlag Die Fackel, 1906. – N 191, 31. Jän. – S. 13.
- Kontje T.* Imperial fictions: German literature before and beyond the nation-state. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, [2018]. – 329 p.
- Kruckis H.-M.* Goethe-Philologie als Paradigma neuphilologischer Wissenschaft im 19. Jahrhundert // Wissenschaftsgeschichte der Germanistik im 19. Jahrhundert / Hrsg. von Fohrmann J., Voßkamp W. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 1994. – S. 451–493.
- Lehmann J.* Die blinde Wissenschaft: Realismus und Realität in der Literaturtheorie der DDR. – Würzburg: Verlag Koenigshausen & Neumann, 1995. – 268 S. – (Epistemata: Reihe Literaturwissenschaft; Bd. 163).
- Lukacs G.* Nathan und Tasso. – URL: <https://www.lana.info.hu/de/georg-lukacs/schriften/kleinere-schriften-aus-den-jahren-1920-1929/nathan-und-tasso/> (date of access: 5.05.2020). – (Воспр. по изд.: Lukacs G. Nathan und Tasso // Rote Fahne. – Berlin, 1922. – N 367, 13.08. – S. 1).

- Mandelkow K.R.* Goethe in Deutschland ; Rezeptionsgeschichte eines Klassikers. – München : Beck, 1980. – Band 1 : 1773–1918. – 352 S. ; Band 2 : 1919–1982. – München : Beck, 1989. – 351 S.
- Menzel W.* Die deutsche Literatur. – Stuttgart : Bei Gebrüder Franckh, 1828. – 305 S.
- Nutz M.* Das Beispiel Goethe. Zur Konstitution eines nationalen Klassikers, 1994 // Wissenschaftsgeschichte der Germanistik im 19. Jahrhundert / Hrsg. von Fohrmann J., Voßkamp W. – Stuttgart ; Weimar : Metzler, 1994. – S. 605–637.
- Reck K.* Goethe und seine Widersacher, oder, der Neue Deutsche Kritische Parnass. Mit Einleitung und Einigen Seitenfugen. – Weimar : B.F. Voigt, 1837. – 207 S.
- Sieg U.* Die Macht des Willens. Elisabeth Förster-Nietzsche und ihre Welt. –München : Karl Hanser, 2019. – 430 S.
- Sprengel P.* Gerhart Hauptmann : Bürgerlichkeit und großer Traum Eine Biografie. – München : C.H. Beck, 2012. – 848 p.
- Sternheim C.* Die deutsche Revolution. – Berlin-Wilmersdorf : Die Aktion, 1919. – 32 S.
- Sternheim C.* Berlin oder Juste milieu. – München : Kurt Wolff, 1920. – 100 S.
- Sternheim C.* Tasso oder Kunst des Juste Milieu. Ein Wink für die Jugend. –Berlin : Reiss Verlag, 1921. – 34 S.
- Sternheim C.* Goethe // Sternheim C. Gesammelte Werke in sechs Bänden / Hrsg. von Hofmann F. – Berlin ; Weimar : Aufbau, 1965. – Bd. 6 : Vermischte Schriften. – S. 23–24.
- Sternheim C.* Gesamtwerk / Hrsg. von Emrich W. – München : Luchterhand Literaturverlag, 1966. – Bd. 6 : Zeitkritik. – 688 S.
- Sternheim T.* Tagebücher, 1903–1971 / Hrsg. und ausgewählt von Ehrsam T., Wyss R. – Göttingen : Wallstein, 2002. – Bd. 1–5.
- Van Hoek K.* Emil Ludwig at home // Books abroad. – 1939. – Vol. 13, N 2. – P. 143–146.
- Weinbacher H.K.* Exkurs : Döblin und Goethe // *Weinbacher H.K.* Sexualmedizinisches im Werk des Arztes und Schriftstellers Alfred Döblin (1878–1957) : Dissertation. – München : LMU, 2011. – S. 31–35. – URL: <http://edoc.ub.uni-muenchen.de/12687/> (date of access: 5.05.2020).
- Wende W.* Goethe-Parodien : zur Wirkungsgeschichte eines Klassikers. – 2. Aufl. – Stuttgart ; Weimar : Metzler, 1999. – 430 S.
- Wende W.* „Die deutsche Kultur und die umliegenden Dörfer halten den Atem an“. Zur Wirkungsgeschichte eines Klassikers // Klassik und Anti-Klassik : Goethe und seine Epoche / Hrsg. von Gutjahr O., Segeberg H. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2000. – S. 19–34.
- Williams R.W.* Carl Sternheim's "Tasso, Oder Kunst des Juste milieu" : an alternative history of German literature // The modern language review. – 1980. –Vol. 75, N 1. – P. 124–137.
- Wilson W.D.* Das Goethe-Tabu. Proteste und Menschenrechte im klassischen Weimar. – München : DTV, 1999. – 413 p.
- Wilson W.D.* Der Faustische Pakt. Goethe und die Goethe-Gesellschaft im Dritten Reich. – München : DTV, 2018. – 368 S.
- Wolff G.* Deutsche Sprachgeschichte von Anfängen bis zur Gegenwart. – 6. Aufl. – Tübingen ; Basel : A. Francke, 2009. – 330 S.

References

- Auerbach, E. (1976). *Mimesis*. Moscow: Progress.
- Geine, G. (1958). *Romanticheskaja shkola*. In G. Geine. *Sobr. soč.: v 10 t.* (Vol. 6, pp. 143–280). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury.
- Gesse, G. (1994). *Stepnoi volk* (Transl. S. Apt). In G. Gesse. *Sobr. soč. in 4 t.* (Vol. 2, pp. 190–398). Saint Petersburg: Severo-Zapad.
- Žirmunskii, V.M. (1981). K voprosu o klassovom samoopredelenii Gete. *Avtobiografija Gete v istoricheskom osveshchenii*. In V.M. Žirmunskii. *Iz istorii zapadno-evropeiskikh literatur* (pp. 30–61). Leningrad: Izdatel'stvo «Nauka».
- Zenkin, S.N. (2011). *Ot teksta k kul'tu*. In M.F. Nad'yarnykh & A.P. Urakova (Eds.). *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel'* (pp. 133–140). Moscow: IMLI RAN.
- Carlyle, T. (1908). *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* (Transl. V. Iakovenko). Retrieved from http://az.lib.ru/k/karlejlx_t/text_0020.shtml
- Kozlov, S.L. (2012). *Ernest Renan. Filologija kak ideologija*. Moscow: Izdatel'stvo RGGU.
- Simmel, G. (1928). *Gete* (Transl. A.G. Gabrichevskii). Moscow: Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk.
- Nietzsche, F. (1990). *Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Kniga dlja svobodnykh umov* (Transl. C.L. Frank). Retrieved from <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/nietz/nietz06r.htm>
- Ortega y Gasset, J. (1991) *V poiskakh Gete. Pis'mo k nemetskomu drugu* (Transl. A.B. Matveev). Retrieved from <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega17.txt>
- Auerbach, E. (2017). *Die Narbe des Odysseus. Horizonte der Weltliteratur*. Berlin: Berenberg.
- Bölsche, W. (2012). *Ernst Haeckel*. Books on demand.
- Dietze, W. (1981) Einleitung. In *Goethes Werke in zwölf Bänden* (vol. 1, pp. I–CI). Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag.
- Dotzler, B. (2000). Goethe und sein Ende: Das Medium Welt-Literatur. In Gutjahr, O. & Segeberg, H. (Eds.) *Klassik und Anti-Klassik: Goethe und seine Epoche* (pp. 89–107). Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Du Bois-Reymond, E. (1883). *Goethe und kein Ende. Rede bei Antritt des Rektorats der Universität zu Berlin am 15. Okt. 1882*. Leipzig: Veit.
- Wilson, W.D. (Ed.). (2004). *Goethes Weimar und die Französische Revolution. Dokumente der Krisenjahre*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Gundolf, F. (1932). *Rede zum Goethes hundertsten Todestag*. Retrieved from <https://www.uni-giessen.de/fbz/fb05/germanistik/absprache/sprachverwendung/gloning/tx/gundgoet.htm>
- Renner, U., Schneider, M. (Eds.). (2006). *Häutung. Lesarten des Marsyas-Mythos*. München: Fink.
- Helmholtz, H. (1896). Über Goethes naturwissenschaftliche Arbeiten. In Helmholtz, H. *Vorträge und Reden* (4. Auflage) (pp. 23–48). Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn.

- Jäger, M. (2000). Goethe im Widerstreit des liberalen und radikalen Denkens in der Weimarer Republik. *Goethe Jahrbuch*, 116, 112–128. doi: 10.1007/978-3-476-02710-8_11
- Engelhard, D. von. (2000). Goethes Farbenlehre und Morphologie in den Naturwissenschaften des 19. Jahrhunderts. *Goethe Jahrbuch*, 116, 224–233. doi:10.1007/978-3-476-02710-8_19
- Kelling, H.W. (1966). *The Idolatry of Poetic Genius in German Goethe-Criticism*. Stanford: Stanford University.
- Kelling, H.W. (1970). *The Idolatry of Poetic Genius in German Goethe-Criticism*. Bern: H. Lang.
- Gutjahr, O., & Segeberg H. (Eds.). (2000). *Klassik und Anti-Klassik: Goethe und seine Epoche*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Kraus, K. (1906, 31. Jänner) Die Klassiker. *Die Fackel*, p. 13.
- Kontje, T. (2018). *Imperial Fictions: German Literature Before and Beyond the Nation-State*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Kruckis, H.-M. (1994). Goethe-Philologie als Paradigma neuphilologischer Wissenschaft im 19. Jahrhundert. In Fohrmann J. & Voßkamp W. (Eds.). *Wissenschaftsgeschichte der Germanistik im 19. Jahrhundert* (pp. 451–493). Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Lehmann, J. (1995). *Die blinde Wissenschaft: Realismus und Realität in der Literaturtheorie der DDR*. Würzburg: Verlag Koenigshausen & Neumann.
- Lukacs, G. (1922). *Nathan und Tasso*. Retrieved from <https://www.lana.info.hu/de/georg-lukacs/schriften/kleinere-schriften-aus-den-jahren-1920-1929/nathan-und-tasso/>
- Mandelkow, K.R. (1980–1989). *Goethe in Deutschland; Rezeptionsgeschichte eines Klassikers* (Vols. 1–2). München: Beck.
- Menzel, W. (1828). *Die deutsche Literatur*. Stuttgart: Bei Gebrüder Franckh.
- Nutz, M. (1994). Das Beispiel Goethe. Zur Konstitution eines nationalen Klassikers. 1994. In Fohrmann, J., & Voßkamp W. (Eds.). *Wissenschaftsgeschichte der Germanistik im 19. Jahrhundert* (pp. 605–637). Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Reck, K. (1837). *Goethe und seine Widersacher, oder, der Neue Deutsche Kritische Parnass. Mit Einleitung und Einigen Seitenfugen*. Weimar: B.F. Voigt.
- Sieg, U. (2019). *Die Macht des Willens. Elisabeth Förster-Nietzsche und ihre Welt*. München: Karl Hanser.
- Sprengel, P. (2012). *Gerhart Hauptmann: Bürgerlichkeit und großer Traum Eine Biografie*. München: C.H. Beck.
- Sternheim, C. (1919). *Die deutsche Revolution*. Berlin-Wilmersdorf: Verlag Die Aktion.
- Sternheim, C. (1920). *Berlin oder Juste milieu*. München: Kurt Wolff Verlag.
- Sternheim, C. (1921). *Tasso oder Kunst des Juste Milieu. Ein Wink für die Jugend*. Berlin: Reiss Verlag.
- Sternheim, C. (1965). Goethe. In Sternheim C. *Gesammelte Werke in sechs Bänden* (Vol. 6, pp. 23–24). Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag.
- Sternheim, C. (1966). *Gesamtwerk* (Vol. 6: Zeitkritik). Neuwied: Luchterhand.
- Sternheim, T. (2002). *Tagebücher, 1903–1971* (Vols. 1–5). Göttingen: Wallstein Verlag.
- Van Hoek, K. (1939). Emil Ludwig At Home. *Books Abroad* 13(2), 143–146. doi:10.2307/40080736

- Weinbacher, H.K. (2011). Exkurs: Döblin und Goethe. In Weinbacher H.K. *Sexualmedizinisches im Werk des Arztes und Schriftstellers Alfred Döblin (1878–1957)* (pp. 31–35). (Dissertation). Retrieved from <http://edoc.ub.uni-muenchen.de/12687/>
- Wende, W. (1999). *Goethe-Parodien: zur Wirkungsgeschichte eines Klassikers* (2. Aufl.). Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Wende, W. (2000). „Die deutsche Kultur und die umliegenden Dörfer halten den Atem an“. Zur Wirkungsgeschichte eines Klassikers. In Gutjahr, O. & Segeberg, H. (Eds.). *Klassik und Anti-Klassik: Goethe und seine Epoche* (pp. 19–34). Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Williams, R.W. (1980). Carl Sternheim's „Tasso, Oder Kunst des Juste milieu“: An Alternative History of German Literature. *The Modern Language Review*, 75(1), 124–137. doi: 10.2307/3727897
- Wilson, D. (1999). *Das Goethe-Tabu. Proteste und Menschenrechte im klassischen Weimar*. Munich: DTV.
- Wilson, D. (2018). *Der Faustische Pakt. Goethe und die Goethe-Gesellschaft im Dritten Reich*. Munich: DTV.
- Wolff, G. (2009). *Deutsche Sprachgeschichte von Anfängen bis zur Gegenwart* (6. Aufl.). Tübingen; Basel: A. Francke.